

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЛАГЕРНОЕ И ПОСЛЕЛАГЕРНОЕ ТВОРЧЕСТВО В. ШАЛАМОВА КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЦЕЛОЕ (СТРУКТУРА И ПОЭТИКА)

Агарвал Шраддха

*Аспирантка, кафедра русской и зарубежной литературы,
Российский университет дружбы народов
г. Москва.*

DOI: [10.31618/nas.2413-5291.2019.2.46.53](https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2019.2.46.53)

CAMP AND POST-CAMP WORK OF V. SHALAMOV AS AN ARTISTIC WHOLE (STRUCTURE AND POETICS)

Agarwal Shradhha

*PHD student, Department of Russian and Foreign Literature,
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow*

Аннотация

В данной статье предпринята попытка рассмотреть лагерное и послелагерное творчество В. Шаламова как художественное целое, его структуру и поэтику. Вместе с тем, рассматриваются черты сходства и различия, «творческая эволюция» в рассказах писателя, в которых отражены правда и авторская рефлексия по поводу пережитого в лагере. Все творчество автора вместе взятое помогает писателю максимально донести до читателя пережитое, таким образом, создает полную картину судьбы героя-повествователя и самого писателя.

Abstract

This article attempts to consider the camp and post-camp work of V. Shalamov as an artistic whole, its structure and poetics. At the same time, the similarities and differences, “creative evolution” are examined in the writer's stories, which reflect the truth and the author's reflection on the experience in the camp. All the work of the author taken together helps the writer convey the experience to the reader as much as possible, thus creating a complete picture of the fate of the protagonist and the writer himself.

Ключевые слова: Варлам Шаламов; творчество; новая проза; поэтика; структура; концепция; мировоззрение; ГУЛАГ; эволюция.

Key words: Varlam Shalamov; creation; new prose; poetics; structure; concept; worldview; GULAG; evolution.

Имя В. Шаламова в русской современной литературе стало равным слова ГУЛАГа. Писатель занял видное место в литературной жизни России лишь после тоталитарной эпохи, его творчество изучено еще не в полной мере, но есть содержательные публикации, разные исследования о нем например, такие, как работа Ганущак Н.В. («Творчество Варлама Шаламова как художественная система», «подробную информацию о нем можно найти в работах Елены Михайлик, Глэда Джона, Валерия Петровича») [4]. Широкую известность Шаламов получил на родине и за рубежом как очевидец и летописец страшных лет России – сталинских репрессий. Становление как литератора, формирование эстетической системы Шаламова пришлось на двадцатые годы XX века, когда его многогранная пытливая личность, готовая сражаться за свои идеалы, нашла себя в поэзии.

Произведения Шаламова появились в печати в 30-х годов XX века. В них писатель направляет свое внимание на тему нравственной ответственности человека перед самим собой и перед другими. «Герои рассказов – высоко нравственные люди. Арест 1937 года прервал его путь в большую литературу» [2, С.9]. Судьба самого Шаламова предоставляла достаточно много материалов для потрясающих книг в качестве лирики или прозы.

В 1929 году за участие в деятельности троцкистской группировки Шаламов как «социально вредный элемент» впервые попал в исправительные лагеря. Впрочем, тогда он отнесся к этому романтически, считая, что продолжает дело уважаемых им революционеров-народовольцев и эсеров. После возвращения печатался в разных жанрах. В 1937 году вновь был осужден за «контрреволюционную троцкистскую деятельность». Срок бесконечно продлялся. В Москву из ада колымских лагерей тяжело больным человеком Шаламов вернулся только в 1956 году. «Колымских рассказов» написаны с 1954 по 1973 годы принесли писателю очень широкую известность.

В первом сборнике рассказов создавался с 1954 по 1962 год. В нем Варлама Шаламова отразил жизнь заключённых Севвостлага. «Колымские рассказы» знакомят читателя с жизнью заключённых и являются художественным осмыслением всего увиденного и пережитого Шаламовым за четырнадцать лет, проведённых на Колыме. В определенной мере эти его рассказы затмили другие его незаурядные произведения.

С 1932 по 1936 годы в журналах и газетах «Гудок», «Вечерняя Москва», «Прожектор», «Огонек» были опубликованы более 80 заметок и очерков. Параллельно он писал стихи и прозу, развивая собственную литературную технику.

Около сотни произведений, созданных за эти годы, были уничтожены после его второго ареста, сохранились лишь девять небольших рассказов: «Ганс», «Три смерти доктора Аустино», «Возвращение», «Пава и дерево», «На заводе», «Вторая рапсодия Листа», «Карта», «В зеркале», «Господин Бержере в больнице»[5].

Сюжеты первых рассказов были вымышленными, основу их составляло классическое противостояние добра и зла, необходимость сложного нравственного выбора, стоящего перед главным героем. Например, рассказ «Ганс» (1935) – небольшой по объему, очень динамичный: в нескольких строках умещается прошлое и будущее германского офицера. Характеры прописаны схематично, слог резкий, «рубленный»: «Кельнер, еще кружку. Пошлите мне цветочницу. Небольшой букет. Дешевых, понимаете. Да, да, той самой даме. Белокурой, за угловым столом... Не говорите так. Я не хотела вас обидеть, но понимаете... У меня очень мало времени. Я прошу минут, маленьких минут, Маргарет, вы смелая женщина. Вы молчаливы. Я уважаю вас. Я люблю, не сердитесь. Я не только люблю. Я ненавижу. Я хотел бы сражаться вместе. Ганс, вы принимаете меня за кого-то другого»[5, С.5].

Годом позже написан рассказ «Три смерти доктора Аустино» (1936). Здесь уже заметно обращение к несколько другой писательской технике, включение психологических и эмоционально-оценочных элементов: «Отказываюсь, – сказал доктор Аустино громко и раздельно. – Будьте вы прокляты! ... Остановитесь! Доктор! Умирает человек, и рождается человек... И почему он стал доктором? Он любил людей – он хотел и стал лечить, спасать жизнь от смерти... Сам умирая, доктор спасает жизнь двух человек. А может быть, и третьего – самого себя. У начальника тюрьмы ведь есть человеческие чувства. Благодарность»[5, С.7]. Все чувства и мысли героев представлены в описаниях от автора. В потоке сознания повествователя раскрываются его отношение и к ситуации, к героям. Доктор, имея возможность бежать из тюрьмы, не бежит, чтобы спасти от смерти ребенка и рожающую женщину, он выполняет профессиональный долг и защищает свою честь. За это доктору пришлось заплатить своей жизнью.

Рассказ «Ганс» был насыщен активными действиями персонажей, рассказ «Три смерти доктора Аустино» – скрытыми размышлениями, внутренними диалогами, метаниями между усилиями выжить и желанием остаться в памяти людей нравственным человеком. Но заметно, что уже в ранних произведениях писатель не стремился дать счастливый конец, не старался смягчить или приукрасить описываемую действительность. Эта особенность отразится на большинстве финалов его и более поздних произведений – при очевидных изменениях стиля, языка.

В более позднем рассказе «Пава и дерево» (1937) наблюдается еще более выразительное

усложнение стилистики, нарратива. Предложения становятся длиннее, появляются деепричастные обороты, придающие ощущение «мягкости», «перетекания» текста, чаще используется прямая речь с просторечными, национально-специфическими, диалектными и другими окрашенными лексическими единицами. Вот, например: «Где нам, маманя. Была ты первая коклюшница по Северу, и теперь тебя так кличут. Анесподист Александрович, приемщик, недавно баил: «Твою бы матку, Настасья, в артель». – То-то. Да и нитка толста. На такой нитке только к наволокам кружево идет»[6, С.15].

С годами поэтика Шаламова пополняется еще более сложными изобразительно-выразительными приемами. По степени насыщенности тропами, часто авторскими, его проза близка поэзии, все работает на создание предельно эмоционально выразительных образов. Вот несколько примеров – выражений – характерного шаламовского письма тех лет: «Род Анны Власьевны – кружевной род», «Эта менявшаяся география избы тревожила слепую», «Ишь, голос-то какой густой» [6, С.14-15]. Все это придавало текстам произведений Шаламова сказовую прелесть, смысловую глубину. Для примера обратимся еще раз к рассказу «Пава и дерево». Здесь сказывается, что «старуха завела привычку: оставаясь одна, она передвигалась по комнате и ощупывала новые вещи. Однажды ощупала большое зеркало и заплакала. Эта менявшаяся география избы тревожила слепую. Годами она двигалась уверенно, как зрячая, и вдруг наткнулась на гнутые стулья, на комод, на новый кованный сундук. – «Оставьте угол-то мой в покое», – просила она детей» [6, С.15]. Использующиеся в тексте синтаксические и лексические изобразительно-выразительные средства позволяют не только понять, что хочет донести автор, но и как бы прочувствовать описываемое.

Хотя исследователи творчества Шаламова подчеркивают то, что раннее творчество Шаламова отличалось наивной простотой, ясностью, живостью, лаконичностью, а зрелый Шаламов тяжелый, депрессивный, болезненно психологичный. У Д. Быков другая точка зрения, он считает, что поэтика В. Шаламова и до Колымы отличалась абсолютной бескомпромиссностью, железной волей, фанатизмом – лагерь ни поэтику, ни его не изменил, только укрепил его убеждения, в этом отношении; «такой, если сломается, умрет сразу. И шаламовские представления о человеке еще до лагеря были не особенно лестными – не то он сломался бы еще в Вишере, со своим-то бессолнечным, абсолютно трагическим мировосприятием»[1, С.292]. Исходя из этого, можно рассмотреть творчество (поэзия, проза и т.д.) Шаламова с точки зрения их единства и взаимообусловленности, «что даст возможность постигнуть внутренние, глубинные, а значит – сущностные связи, соединяющие лишь на первый взгляд несоединимые элементы художественного мира замечательного русского писателя». [2, С.6].

С одной стороны, изобразительной, Шаламов продолжает традиции прошлой так называемой демократической классической литературы – отображает бытовую жизнь человека. С другой стороны, содержательной, он несколько отходит от этой традиции. Русская, да и мировая, классика утверждала, что при всех самых роковых испытаниях, и моральных, и физических, человек должен сохранять нравственность, духовность, то есть человечность. Да, по Шаламову, должен, но, увы, возможности *Homo sapiens* не беспредельны, за пределами этих возможностей с необходимостью начинается «процесс нравственной деградации личности» [3, С.7]. Хотя Шаламов показал гибельность процесса иной направленности – процесса разрушения человечности в человек, но он сам в нечеловеческих условиях существования никогда не опускал «нравственную планку требовательности по отношению к себе» [2, С.14]. В основном об этом все его лагерное и послелагерное творчество.

Шаламов писал о лагере как своего рода модель человеческой жизни, в которой противоречия, жестокости достигают уровня предела. Рассматривая жизнь в лагере, писатель хотел показать читателю противоречия человеческого бытия в целом, как место вечного сражения добра и зла. Тема добра и зла является вечной в мировой литературе, как раз вся поэтика Шаламова концентрирована на эту глобальную тему (добро и зло), в его случае, добро не всегда побеждает. Тем не менее, В. Шаламов через искусство смог победить зло и сохранить человеческое достоинство.

Обобщая вышесказанного, можно сказать, что творчество Шаламова связано неразрывным единством, в нем писатель положил свою душу, страдания, надежды, принципы и судьбу. Он пытался передать голую правду о пережитом на грани зверства, о власти толпы и о поведении человека в толпе. Лагерное и послелагерное творчество Шаламова построено как одна цепочка. Одновременно это одна книга, в которую входит

цикл рассказов и поэзии, поэтому она есть художественное целое. От каждого от рассказа рождается новый рассказ, а от каждого сборника рождается новый сборник. Все сборники связаны с бытовым художественным осмыслением извечных проблем человеческого бытия, тех пределов, в которых пребывает и реализует себя «Я» каждого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

[1] Быков Д.Л. Советская литература. Краткий курс /Москва, 2013. 412С.

[2] Ганущак Н.В. Творчество Варлама Шаламова как художественная система: автореф. дисс. ... кандидат филолог. наук: 10.01.01. Тюмень, 2003. 29С.

[3] Жаравина Л.В. Люди «третьего удела»: В. Шаламов и русское зарубежье (К столетию со дня рождения В.Т.Шаламова) //Вестник ВолГУ. – 2007.–№ 6.С.7.

[4] Елена Михайлик — поэт, филолог, один из ведущих исследователей прозы В. Шаламова. Варлам Шаламов: рассказ «Ягоды». Пример деструктивной прозы (1997), «Кот, бегущий между Солженицыным и Шаламовым» (2002), «Незаконная комета. Варлам Шаламов: опыт медленного чтения» (2018), и т.д.; Глэд Джон американский русист и переводчик. Автор перевода «Колымских рассказов» на английский язык, «Testimony and Doubt: Shalamov's "How It Began" and "Handwriting"...», «Life and work, world literature and Soviet history. Exploring the moral...»; Валерий Петровиченков – «Шаламов и мировая культура» (2002), «Проза Шаламова полифонична».

[5] Клайн Л. Овладение техникой (о ранней прозе В.Шаламова). – URL: <https://shalamov.ru/research/91/> (дата обращения: 20.04.2019).

[6] Шаламов В.Т. В зеркале. Серия: Русская классика – М.: Эксмо, 2009. С.5. В состав этой книги вошли ранние рассказы писателя, пьеса о лагерном быте «Анна Ивановна», стихотворения, эссе и заметки.